

— В будущем я, возможно, больше не приду в приют. Не знаю, когда смогу вернуться, но если вернусь, обязательно навещу тебя.

Услышав это, я почувствовал, как сердце ухнуло в бездну. Больше не придет? Неужели последний человек, которому я был дорог, тоже собирается уйти?

Пирсон заметил мою печаль и поспешил успокоить:

— Пирсон обязательно вернется к Джокеру! Ты должен верить Пирсону! Я непременно стану настоящим филантропом.

Я кивнул и выдавил из себя улыбку.

— Тогда, брат Пирсон, обязательно старайся изо всех сил. А когда вернешься, приведи с собой ту самую мисс Эмму.

Хотя на душе было тяжело от мысли о расставании, я понимал, что у брата Пирсона свой путь, и не мог быть настолько эгоистичным, чтобы просить его остаться. Мы болтали о пустяках: о его прошлом, о мечтах — он хотел стать художником, потому что та самая мисс Эмма любила живопись, — и о моем будущем. Но мне было нужно лишь одно: чтобы кто-то по-настоящему обо мне заботился. Только и всего.

В конце концов брат Пирсон ушел.

Это был последний раз, когда я видел, как он перелезает через стену. Его силуэт навсегда врезался в мою память, не стерся, застыв вечным мифом.

Джокер, теперь ты остался совсем один, понимаешь? Теперь у тебя хватит мужества жить дальше в одиночку.

Сказал я сам себе.

Возможно, в будущем никто не пойдет со мной до конца, придется учиться быть сильным и встречать невзгоды в одиночку. Брат Пирсон, Джокер правда повзрослел, он больше не тот ребенок, который умел только полагаться на других.

После того случая с Трейси мы стали видеться все реже. Я почти не встречал ее, а если и видел, она была полностью поглощена своими роботами. Ей повезло: дедушка с бабушкой не забрали ее для экспериментов, и, казалось, она наконец выбралась из тени той трагедии, когда она убила мать, а та — отца.

Однако издевательства и травля со стороны других сирот не прекращались. Но Трейси больше не боялась — она стала пугающе спокойной, словно смотрела на них как на покойников.

Не знаю, проснулась ли у стариков совесть или что-то еще, но недавно они начали давать Трейси такую же еду, как и мне. Зависть сирот разгорелась с новой силой, и месть стала еще более жестокой.

Время шло. Прошло пять лет с тех пор, как брат Пирсон ушел. Я по-прежнему каждый день приходил к углу стены и ждал, надеясь, что тот статный силуэт снова появится передо мной.

Недавно я получил письмо от Леди Соловей. Она приглашала меня в поместье на безумную игру. Но прийти можно было только тогда, когда я останусь без крова. Звучало как бред сумасшедшего, но в письме был ответ, от которого я похолодел.

Брат Пирсон мертв. Он погиб в огне.

Читая это, я дрожал. Последний человек, которому я был небезразличен, умер.

Джокер. Печаль клоуна понятна только маске (5)

Последний человек, которому я был дорог, умер... ха-ха-ха, умер.

Я безумно смотрел на строки письма. Каждое слово вонзалось в сердце. Мне хотелось разорвать это письмо в клочья. Почему, почему вы рассказали мне эту жестокую правду? Почему! Почему не дали мне продолжать жить в неведении?!

Я чувствовал, что схожу с ума.

Трейси была права, я — маленький безумец. Я безумно верил, что дедушка и бабушка заботятся обо мне, любят меня. Безумно верил, что никто из близких не уйдет.

Я слонялся по приюту, словно неприкаянная душа. Без цели. Порой я не понимал, зачем существую. В чем смысл моей жизни? Я не знал. Мое существование было ошибкой.

— Ха-ха-ха... вы все мертвы. Приятно ощущать, каково это — быть сломанным? Вы должны были понять, что заслужили такую же участь, как и мои роботы!

— Я... я... я не хотела... не подходите ко мне! Кровь... я вся в крови... я... я убила их... я не хотела, чтобы вы умирали... я не могу себя контролировать!

Я услышал голос Трейси, и сердце пропустило удар. Кровь застыла в жилах. Трейси... она убила их?

Я бросился на звук.

Трейси сжалась в углу, вокруг нее лежали тела сирот. Ее одежда пропиталась кровью, лицо было забрызгано засохшими красными пятнами, а глаза горели неестественным алым огнем.

В руках она сжимала пульт. Ее маленькие роботы, переделанные в человекоподобные машины, стояли рядом — их механические руки превратились в острые когти, способные в мгновение ока оборвать жизнь.

— Вы все заслужили это! Я чувствовала отвращение, находясь с вами в одном месте! — Трейси злобно смотрела на трупы. — Вы каждый день подбрасывали мне тараканов, крыс, змей, дергали за волосы, рвали одежду, обливали гнилью, ломали моих роботов! Вы заставляли меня жить в страхе, лишали сна, делали мою жизнь невыносимой. Вы хотели свести меня с ума? Да, я сошла с ума, и никто из вас не уйдет отсюда живым!

Я застыл, глядя на нее. Девочка передо мной казалась чужой. Даже если раньше она бывала со мной груба, сейчас она была настоящим демоном, выбравшимся из ада.

Она заметила меня. В глазах мелькнул испуг, она открыла рот, пытаясь что-то сказать, но не смогла. Она спрятала лицо в ладонях, и я увидел, как ее бьет дрожь. Я колебался, стоит ли подходить — вдруг она убьет и меня? Но оставить ее там одну я тоже не мог.

Джокер, когда ты успел так привязаться к этой девчонке по имени Трейси?

Я постарался ступать бесшумно, перешагивая через омерзительные тела и окровавленных роботов.

— Трейси, — позвал я. Она вздрогнула. — Ты говорила, что ты Алиса. Так давай сделаем вид, что это просто сон в Стране чудес, хорошо? — Я не винил ее. Да у меня и не было права винить — я сам считал, что эти сироты заслужили смерть.

Она подняла голову. Алый блеск в глазах угас, и в ее бирюзовых зрачках, полных слез, проступила ясность.

— Маленький безум... Джокер, — она осеклась, вспомнив мои слова, и поправилась.

Я покачал головой.

— Можешь называть меня маленьким безумцем, я ведь уже сошел с ума. — Я улыбнулся, и Трейси тоже улыбнулась сквозь слезы. — Я же говорил, что рано или поздно все сойдут с ума, разве нет?

Говорят, смеяться сквозь слезы — больнее всего.

— Если устала улыбаться, просто плачь. Я не буду смеяться над тобой. — Я осторожно обнял ее.

Даже если ты вся в грязи, я тебя обниму.

Она замерла, а потом разрыдалась у меня на плече. Внешне сильная, внутри она была такой хрупкой. Пять лет назад я был другим, но теперь я понимал ее.

— Уходи отсюда. Здесь тебе больше не безопасно. Ты убила подопытных дедушки и бабушки, они заберут тебя для экспериментов, а это... хуже смерти. — Тихо сказал я.

— Куда мне идти? У меня больше нет никого... — прошептала она сквозь рыдания.

Я молчал. Долго. Наконец ответил:

— Если уйдешь, у тебя есть шанс выжить. Если останешься — шансов ноль.

Она отстранилась, вытирая красные глаза.

— А как же ты, маленький безумец? Разве они не поставят на тебе эксперименты? — В ее глазах было столько беспокойства, что я улыбнулся.

— На мне не будут ставить опыты, я ведь их внук. Встань мне на плечи и перелезай через стену. Ворота приюта всегда закрыты, ключи только у них.

Она кивнула, глотая слезы.

— Хорошо.

Она вытерла лицо и постаралась улыбнуться как можно искреннее.

— Сейчас ты улыбаешься даже хуже, чем плачешь, — подшутил я.

Я опустился на корточки, подставляя плечи. Она была такой легкой, что я почти не почувствовал веса. Выпрямившись, я помог ей перемахнуть через стену.

Когда я услышал звук ее приземления, с души словно свалился камень.

— Ты свободна, — сказал я, прислонившись к стене, и на лице впервые за долгое время появилась по-детски искренняя улыбка.

Трейси, после твоего ухода у меня не осталось привязанностей.

— Спасибо... мой Безумный Шляпник, — ответила она.

— Для меня честь, мисс Алиса.

— Ну все, мисс Алиса, пора покидать Страну чудес. Возвращайся в свой мир. Ты должна быть свободна.

— Хм. Все самые великие люди — безумцы. Поэтому, Джокер, в моих глазах ты всегда был на втором месте. На первом — мой отец. Он не был безумцем, он был великим механиком. Я всегда хотела стать такой, как он.

Мы немного поболтали о мечтах.

— Прощай.

Когда я перестал слышать ее голос, я отчетливо понял: теперь я действительно остался один.

Джокер. Печаль клоуна понятна только маске (6)

Я смотрел в небо. Казалось, что лазурь затянуло тьмой. Я заметил, что в последнее время вокруг приюта кружит все больше воронов.

Они парили над крышей, а теперь спустились, чтобы клевать тела сирот. В их алых глазах была лишь жажда наживы.

Я молча смотрел на разбросанные трупы и улыбнулся. Вот она, расплата. Даже если от вас отказались, я считал, что самое худшее в вас — это то, что вы вообще живы. Ваше существование вызывало у меня отвращение.

Я зашагал вглубь приюта, охваченного страхом, и сердце снова тревожно забилося. На самом деле... я не был уверен, что именно задумали дедушка и бабушка.

— О, мой дорогой Джокер, что ты здесь делаешь? Ты не видел тех никчемных сирот? Бабушке нужно их найти. — Синтия внезапно возникла передо мной. Ее елеинная улыбка была такой фальшивой, что меня чуть не стошнило.

Я спокойно покачал головой.

— Бабушка, я не знаю. Может, они ушли играть во двор? Мне было скучно, и я просто гулял.

В глазах Синтии промелькнуло раздражение.

— О, понятно. Мой дорогой Джокер, куда же подевались эти дети? Разве я не говорила им вчера, что они нужны мне сегодня? Непослушных детей нужно как следует проучить. — Последнюю фразу она произнесла сквозь зубы.

Я опустил глаза. Проучить? Ваши безумные эксперименты — это и есть ваше воспитание? Грязь. Мне было невыносимо тяжело, но я не мог сорваться.

Я быстро направился в свою комнату. Мне нужно было сбежать от этой гнетущей атмосферы, иначе я окончательно сойду с ума. Я не хотел уподобляться им... от этого мне становилось противно самому себе.

Все они безумцы! Все до единого!

Я рухнул на кровать, зарылся головой в одеяло и разрыдался. Боже, я хочу умереть. Почему, почему они причиняют людям боль? Мне стыдно быть их внуком.

Я не понимал, в чем смысл их жизни. Неужели влачить такое существование — это счастье? Быть подопытными, сидеть взаперти в этой клетке и продолжать в том же духе? Находить радость в издевательствах над другими, строить свое счастье на чужих страданиях? Это вызывало во мне лишь презрение.

Они заслужили быть отверженными Богом!

Я плакал, пока не выбился из сил, и провалился в беспокойный сон.

Когда я очнулся, то оказался в незнакомом месте. Я лежал на белой кровати. Женщина средних лет, похожая на врача, заметив, что я проснулся, улыбнулась и потянулась к моему лбу. Я с опаской отпрянул.

Ее рука зависла в воздухе, и она смущенно опустила ее.

— Малыш, я просто хотела проверить, все ли с тобой в порядке. Я не причиню тебе вреда. — Поспешила объяснить она. Я подозрительно уставился на нее.

— Где я? — спросил я.

— В больнице. Тебя привезли полицейские. — Она терпеливо ответила, не переставая улыбаться ангельской улыбкой, отчего мое враждебное напряжение понемногу ушло.

— ...Разве я не был в приюте? — пробормотал я.

— Тот приют... это была лаборатория для экспериментов на людях. Ты, должно быть, там много натерпелся? Его уже закрыли. Говорят, какая-то девочка донесла на них. Директор и его жена арестованы, их ждет казнь. — Она с жалостью посмотрела на следы от уколов на моих руках. Я был поражен. Дедушку и бабушку арестовали? Их казнят? Хотя я хотел их смерти, в глубине души та самая ниточка родства заставила сердце сжаться.

Проклятые чувства.

— Это место было таким мрачным, столько сирот там погибло... — пробормотала она.

Я крепко сжал край белой простыни, а другую руку сжал в кулак. Голос мой прозвучал глухо:

— Что стало с тем приютом?

Врач вздрогнула от моего тона.

— Наверное... его уже сожгли дотла.

Я осознал, как звучу, и поспешил смягчить голос:

— Доктор, можно мне сходить посмотреть на приют?

Она кивнула.

— Можно. Ты у меня единственный пациент, но не вздумай убегать. Полиция уже известила твоих родителей, они скоро приедут за тобой.

Родители?! Они вернутся?! Они мечтали о моей смерти, сдали меня в приют, я был лишь жертвой их неудачного брака!

Я промолчал.

С тяжелым сердцем я встал с кровати и пошел за врачом к приюту, который так мечтал покинуть. Она все время держала меня за руку, боясь, что я потеряюсь.

Я чувствовал тепло чужого человека. На самом деле... мир снаружи не такой уж и страшный, как говорили сироты, правда?

Когда мы подошли к приюту, он все еще полыхал. Огонь ревел, сжигая все следы скверны. Пламя отражалось в моих глазах, и сердце пылало вместе с ним. Так и должно быть. Гори, гори все дотла! Эти грязные вещи не заслуживают существования. Сожгите трупы сирот, превратите все эксперименты в пепел.

Вороны кружили над приютом, издавая хриплые крики. Мне казалось, я слышу их радость. Они тоже рады, что приют сгорел?

На самом деле... они радуются, что я тоже стал маленьким безумцем? Что пополнил ряды их чудовищ из бездны, так ведь?

— Ну все, малыш, пора возвращаться в больницу. Твои родители скоро будут. — Врач заметила, что я странно себя веду, и помахала рукой перед моим лицом.

Я выдал чистую, невинную улыбку.

— Хорошо.

Мои родители... что ж, мы наконец-то встретимся. Надеюсь, вы не разочаруете меня.

Они не знали, что из огня выбралось нечто — изуродованное, обгоревшее существо. Оно с трудом ползло, что-то бормоча, все в паутине, которую пламя уже успело опалить, но не смогло защитить его полностью.

— Трейси... Трейси...

Когда мы вернулись в больницу, нас уже ждали мужчина и женщина. Женщина выглядела вполне обычно, а вот мужчина... Его лицо было в щетине, красное, волосы всклокоченные и грязные, словно их не мыли годами. В руке он сжимал бутылку спиртного, то и дело икая и что-то ворча себе под нос.

Выглядело это до отвращения мерзко.

Джокер. Печаль клоуна понятна только маске (7)

— Где этого сопляка носит? Заставил меня ждать столько времени! — рявкнул мужчина.

Я холодно посмотрел на него. Да уж, первое впечатление — хуже некуда.

— ... — я промолчал.

— Сэр, мадам, ваш ребенок здесь, — с улыбкой сказала врач, подталкивая меня к ним.

Мать нахмурилась.

— Доктор... а как насчет... медицинских счетов? — лицо ее было предельно серьезным.

Врач мягко улыбнулась.

— Не беспокойтесь, счета оплачены. Полиция взяла это на себя.

Мать выдохнула с явным облегчением.

Отец сплюнул.

— Если бы пришлось платить за этого сопляка, лучше бы оставили его гнить там, где он был.

В глазах врача мелькнуло отвращение. И правда, если даже такой ангел, как она, испытывает брезгливость, значит, этот человек — настоящее ничтожество.

Мать бросила на отца сердитый взгляд и грубо схватила меня за руку. Я почувствовал, как от прикосновения к чему-то грязному меня передернуло, инстинктивно хотел вырваться, но она держала крепко.

— Пошли, пора домой, — мать потащила меня из больницы, не дожидаясь ответа. Отец, разозленный ее взглядом, продолжал ворчать что-то невнятное.

— Что за стерва, посмела зыркнуть на меня?

<http://bllate.org/book/18723/1810060>